

Иван Владимирович Сулов
Саратовская государственная
юридическая академия
г. Саратов, Россия
E-mail: suslov85@inbox.ru
ORCID: 0000-0003-0991-6368
SPIN-код: 4922-0479

Идеологические трансформации российского общества: философская рефлексия

Аннотация. В начале XXI в. наблюдается постепенное возрождение интереса к реидеологизации политического и культурного пространства страны. Цель данной статьи заключается в систематизации и анализе философских взглядов на процессы реидеологизации, которые происходили в России в период с 2012 по 2023 г. Теоретический анализ позволил утверждать, что философское сообщество продемонстрировало разнообразные реакции на активные процессы реидеологизации в России, поддерживаемые государством с 2012 г. С одной стороны, выдвигались предупреждения о репрессивном характере тотальной идеологии. С другой стороны, философы искали формы участия в обсуждении общенациональных вопросов и определения будущего развития страны. Некоторые философы, отказываясь от обсуждения идеологии, заняли позицию эскапизма, стремясь к свободе в своем собственном бытии, вне влияния общества или какой-либо конкретной идеологии. Трансформации представлений о роли идеологии в жизни общества и государства открывают новые ракурсы для философской саморефлексии. Дискуссии о необходимости «ухода» от обсуждения политических проблем и идеологической конфронтации вызывают «кризис философской идентичности» и одновременно представляют собой важный эпистемологический вызов.

Ключевые слова: идеология; реидеологизация; философия и государство; идеологический консенсус; общественная консолидация; философское сообщество

Целью статьи является анализ реакции философского общества на процессы реидеологизации государства. В связи с этим предпринимается концептуальный анализ философских публикаций и дискурсивной среды, оказывающей влияние

на само философствование. Период 1990-х гг. в интеллектуальной истории постсоветской России характеризуется парадоксальным сосуществованием двух разнонаправленных тенденций. Отказ от государственной идеологии, зафиксированный в Конституции Российской Федерации 1993 года (ст. 13 Конституции РФ), на протяжении первого постсоветского десятилетия определял нормативно-ценностный контур политико-публичных и научных споров о перспективах развития страны. С одной стороны, официальные государственные лица и представители либеральной общественности апеллировали к принципу деидеологизации государства как необходимому условию перехода к демократическому устройству, призванному преодолеть тоталитарное прошлое и обеспечить идеологический нейтралитет государства, формировалась концепция идеологического плюрализма, предполагающая недопустимость господствующей идеологии и приоритет личностной автономии в определении ценностных ориентиров.

С другой стороны, внутри политико-публицистического дискурса постепенно усиливались призывы к восстановлению смысловой и ценностной целостности социального тела, что неизбежно возвращало проблему идеологии как форму символического порядка и общественного самосознания. Например, противопоставляя себя как либерализму, так и классическим идеологиям модерна (марксизму и фашизму), А. Дугин утверждал, что наступает новая эпоха, требующая синтеза геополитики, традиционализма и православной эсхатологии. Россия же не может существовать без идеологии, потому что она – не просто государство, а носитель мессианского смысла, противопоставленного секулярному Западу (Товбин 2014). А. Дугин делает попытку восстановить онтологический статус идеологии как формы миропорядка, в которой человек осмысляет свое место в истории, культуре и космосе, освободив ее от исторического контекста XX в. (Суслов, Тихонова 2024).

С точки зрения С.Г. Кара-Мурзы, декларация о «деидеологизации» в 1990-е годы сама по себе служила формой идеологической манипуляции. Под видом «освобождения» от идеологии на деле происходила замена одной системы координат на другую, преимущественно западно-либерального образца, без осознания ее нормативно-властной природы (Лексин 2014).

В.С. Мартьянов и Л.Г. Фишман отметили трагическое совпадение постсоветского транзита России в 1990-е годы с истощением морального импульса, легитимировавшего политический проект капитализма. Исследователи утверждали, что для создания новой идеологии, способной сохранить человеческие ценности от деградации и кризиса, необходима моральная трансформация (революция) российского общества (Мартьянов, Фишман 2010).

В 2000-е годы на уровне государственной риторики по-прежнему сохранялось внешнее следование курсу деидеологизации. Конституционная установка на «идеологическое нейтральное государство» оставалась в силе и озвучивалась как правовая гарантия политического плюрализма. Однако уже к середине 2000-х стало очевидно, что фактический отказ от идеологического проектирования оборачивается символическим вакуумом, который спонтанно заполняется либо внешне заимствованными ценностными матрицами, либо архаичными формами массового сознания. На этом фоне в академическом и общественно-политическом дискурсе нарастает обеспокоенность отсутствием четкой смысловой опоры в жизни государства и общества.

В частности, в 2004 г. заметным явлением становится выход двух монографий – А.Г. Дугина «Проект “Евразия”» (Дугин 2004) и В.Н. Кузнецова «Российская идеология 21» (Кузнецов 2004), в которых утверждалась возможность создания и успешного функционирования идеологии, призванной объединить российское общество. Перспективы и эффективность новой формирующейся российской идеологии оценивались как положительные, отмечалось, что только через идеологию консолидации можно обогатить и наполнить цели, идеалы и ценности людей значимым смыслом. Идеология, таким образом, наделялась способностью сформулировать «российскую мечту» на основе сохранения и укрепления исторической памяти и патриотизма.

Публичные дискуссии в 2000-е годы продолжали развиваться между двумя полюсами. С одной стороны, сторонники сохранения деидеологизации государства (либералы) настаивали на том, что идеология в любых формах несет в себе риск репрессивности, подмены мышления догматикой, ограничения свободной рефлексии. С другой стороны, усиливается

позиция мыслителей и публицистов, рассматривающих идеологию как неизбежный элемент любой формы коллективного существования, форму артикуляции национального интереса, исторической памяти и культурной миссии российского народа. В этом контексте особую роль играла концепция «суверенной демократии», артикулированная В. Сурковым в 2005 г., которая, по сути, представляла собой институционализированную форму реидеологизации, не признаваемую в качестве таковой.

Уже в первой декаде нового века становятся ощутимыми процессы интеллектуального и политико-культурного разворота от либерального универсализма к формам консервативного традиционализма. А.В. Рубцов фиксирует в 2010–2011 гг. изменения в официальном и медийном дискурсах, связанные с заменой терминов модернизационного толка (инновация, экономика знаний, человеческий капитал) на концепты, апеллирующие к духовным, культурным и историческим основаниям российской государственности – традиции, духовность, культурные коды, идентичность, скрепы (Рубцов 2018: 68). Подобная трансформация не была исключительно риторической: она сопровождалась институциональными изменениями в сферах образования, культуры, информационной политики, государственно-конфессиональных отношений.

Политико-риторический проект реидеологизации государства, начавшийся в 2010-е, постепенно охватывал все большее количество сфер общественной жизни, внося коррективы в школьные учебники, патриотическое воспитание, стратегии культурной политики и легитимации настоящего через героизированное прошлое.

Одним из важнейших инструментов реидеологизации становится государственное переосмысление исторического нарратива (Ефременко 2023). История окончательно утрачивает статус автономной научной дисциплины и превращается в форму гражданской религии. Закреплению этого вектора служит утверждение Министерством просвещения РФ в 2020 г. «Концепции преподавания учебного курса “История России”», а также впоследствии введение единого учебника истории. История становится не темой обсуждения, а полем гражданской мобилизации и инструментом легитимации настоящего через переинтерпретацию прошлого.

В 2010-е гг. реидеологизация государства из предмета интеллектуальной рефлексии превращается в реальный политический процесс. Философское сообщество сталкивается с фундаментальным вызовом, связанным с осмыслением возможностей восстановления идеологии после крушения великих нарративов. Философский анализ не замыкается в рамке абстрактных понятий и нормативных рассуждений, а встраивается в более широкий контекст формирования идеологических смыслов в постсоветском обществе. Такой подход позволяет не только глубже интерпретировать философские позиции, но и выявить латентные формы их зависимости от политико-культурного фона, а также степень их критической дистанции по отношению к нему.

В рамках теоретического анализа философских подходов к феномену реидеологизации в современной России были отобраны для рассмотрения публикации, входящие в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ). Использование РИНЦ обусловлено его репрезентативностью для научного дискурса в гуманитарной и социально-философской сфере. При отборе источников применялся принцип релевантности и цитируемости. Под релевантностью понимается содержательная направленность публикаций на тематику идеологии, политической философии, социальной теории и философской саморефлексии в условиях постсовременности. Цитируемость, в свою очередь, рассматривается как эмпирический показатель степени научного внимания и обсуждаемости той или иной позиции в философском сообществе. Высокий уровень цитирования трактуется не как маркер «истинности» позиции, но как индикатор ее заметности в интеллектуальной среде, что позволяет судить о ее влиянии на складывающийся академический дискурс. Таким образом, предполагается, что философия, несмотря на претензию к автономии и универсальности, не существует во «вневременном горизонте», но оказывается включенной в историко-социальную ткань эпохи.

Выборка публикаций основывалась на их значимости, выраженной в количестве научных откликов и обсуждений, что делает возможным реконструкцию наиболее влиятельных или репрезентативных философских реакций на процессы реидеологизации в период 2012–2024 гг. Анализ философских текстов,

включенных в исследование, позволяет определить этапы и направления эволюции философского отношения к процессам российского государства.

С начала 2010-х гг. в российском обществе происходит постепенное возвращение к поиску идеологического ядра, способного сплотить нацию и ответить на вызовы фрагментированной глобальной современности. Это движение сопровождалось возрастанием роли государства как заказчика и модератора смыслов – от поддержки патриотических нарративов до продвижения традиционных ценностей. В 2014 г. в контексте событий, связанных с присоединением Крыма, появляются новые смысловые доминанты: «русский мир», «воссоединение», «историческая справедливость», «многополярный мир» и др., которые начинают играть роль ценностных координат в государственной политике.

Реакция философского сообщества на процессы реидеологизации в 2010-е гг. выявила наличие нескольких концептуальных стратегий. Часть исследователей выступила с критикой происходящих изменений в идеологической сфере, указывая на риски воспроизводства авторитарных форм политической регуляции. Так, А.А. Кара-Мурза акцентирует внимание на опасности тотализации идеологии в условиях отсутствия полноценного гражданского общества и независимых институтов гражданского контроля. Идеология, по его мнению, неизбежно приобретает репрессивный характер, подменяя рациональную дискуссию принуждением к нормативному единомыслию (Кара-Мурза 2012). Э.А. Соловьев в свою очередь выделяет ряд ключевых механизмов идеологического манипулирования массовым сознанием: формирование образа врага, эксплуатация геополитических мифов, поощрение ксенофобии, сакрализация исторического нарратива. В качестве философского противоядия он предлагает развитие культуры скептицизма, критическое различение между идеалами и программами, а также активизацию концепции открытой истории как сферы полифонического и незавершенного диалога (Соловьёв 2016: 10-12).

Наряду с критиками в философской среде сформировалась позиция, ориентированная на позитивное осмысление происходящих процессов. Представители этого подхода исходят из того, что идеология неизбежна как форма структурирования

коллективного сознания и, следовательно, задача философии заключается не в отрицании феномена как такового, а в разработке нормативных оснований легитимной и открытой идеологии, способной консолидировать общество на базе общенациональных ценностей. В.Н. Шевченко предлагает рассматривать философию не как антипод идеологии, а как ее критически-рефлексивную составляющую, способную внести в общественное сознание элементы публичной рациональности, тем самым нейтрализуя риски догматизма (Шевченко 2014). В этом контексте получает популярность политико-духовный концепт «национальной идеи» как формы смысловой консолидации в условиях фрагментированного и атомизированного общества. Подобные усилия поддерживаются и в концепции «ценностного ядра нации», в рамках которой Россия мыслится как носитель особой цивилизационной миссии, противостоящей западной универсалистской экспансии. Дополнительный вклад в осмысление современных форм идеологического производства вносят интерпретации идеологии как фактора геополитического суверенитета, широкое распространение которых указывает на востребованность интегративных нарративов в условиях идеологического вакуума постсоветского периода развития российского общества.

Сотрудники Института философии и права УрО РАН в коллективной монографии «Россия в поисках идеологий» пытаются ответить на вопрос: существует ли альтернатива идеологии как инструменту социального управления. По мнению исследователей, успех в модернизации идеологии требует соответствия желаемого настоящего и будущего этическим принципам не только отдельных групп общества и России, но и всего человечества (Мартьянов, Фишман 2016). Вышеприведенную позицию поддерживает и Ю.Г. Волков, замечая, что трудно оспаривать роль идеологии как силы, способной объединять и мобилизовывать общество. Однако вопросы, возникающие относительно развития идеологической сферы, преодолеваются через усилия по гуманизации, легитимации идей социального творчества, самореализации и альтруизма (Волков 2016). Важное различие между идеологией гуманизма и традиционными идеологиями ученый видит в отсутствии насильственного воздействия, ведущего к политиче-

ским конфликтам в процессе реализации гуманистических идей. Л.Г. Фишман считает возможным достижение согласия относительно общих критериев социальной принадлежности и получение вознаграждения за социальную активность, выработанную в участии в общественных делах, учитывая ограниченные возможности занятости в традиционном производстве материальных благ и услуг (Фишман 2016).

Нельзя не отметить и третью позицию, которую можно охарактеризовать как постидеологический эскапизм. Ее предшественники исходят из убеждения, что современная философия, утратив статус универсального знания, становится формой экзистенциального общения, своего рода индивидуальной или «локальной» идеологией. В.М. Межуев утверждает, что философия все менее способна влиять на публичное пространство и все более превращается в способ самовыражения отдельно взятых интеллектуалов. Эта позиция не отрицает важности идеологических процессов, но сознательно выносит их за пределы философской рефлексии (Межуев 2017: 178-179). Однако в условиях усиливающейся поляризации общества и возрастания значения идеологических конструкций как инструментов власти подобная стратегия рискует обрести маргинальный статус. Как подчеркивает П.С. Гуревич, избыточная критика идеологии может сама по себе стать препятствием к диалогу, подменяя коммуникацию множеством автономных и замкнутых голосов (Гуревич 2018). В этой связи задача философии состоит не в деструкции идеологических оснований, а в формировании условий для их критической транспарентности, открытости и способности к самоограничению.

Институционализация дискуссии о реидеологизации находит отражение в академических инициативах. 1 марта 2018 г. в Институте философии РАН состоялся круглый стол «Философия и идеология: иллюзия деидеологизации», продолживший обсуждения, начавшиеся в 2016 г., что свидетельствует о признании идеологии как необходимого, хотя и проблематичного компонента социальной жизни. Прозвучавшие на круглом столе доклады показали, что идеология является одновременно и инструментом манипуляции, и способом символической артикуляции коллективного опыта, необходимого для функционирования политического тела (Сырдоеева 2018: 207-208).

Таким образом, в 2010-е гг. современная российская философия оказывается втянутой в поле общественно-политических трансформаций, связанных с возвращением идеологии (реидеологизацией), не только как наблюдатель, но и как ее участник. В этих условиях социально-политическая философия приобретает новую актуальность как область, способная к концептуализации механизмов идеологического воздействия, выработке критериев легитимности идеологических программ и защите автономии мышления как фундаментальной ценности.

Поставленный в статье вопрос – нужна ли идеология с точки зрения философии – носит не только теоретико-гносеологический, но и экзистенциально-практический характер. Для философии, традиционно ориентированной на истину и критику догматизма, идеология может выступать как угроза – редукция многообразия к единственно допустимому мировоззрению. Однако одновременно философская традиция содержит и противоположный импульс: стремление к нормативному высказыванию о справедливом устройстве общества, к формированию телеса совместного бытия.

Таким образом, в ходе анализа становится очевидным, что отношение к реидеологизации государства в философском сообществе в 2010-е претерпело трансформацию: от жесткой критики и отстраненности – к поиску в попытке осмыслить идеологию как феномен, с которым философия не может не иметь дела, но и не может полностью слиться. В этом контексте идеология понимается не как инструмент манипуляции, а как выражение фундаментальной потребности человека в упорядочивании мира и придании ему смысловой целостности. С философской точки зрения речь идет о необходимости восстановления коллективной субъектности через возвращение к архетипам «большого мы», актуализацию исторического нарратива, сакрализацию прошлого и мобилизацию «традиционных ценностей».

Конец 2010-х и особенно начало 2020-х гг. ознаменовали собой новый этап в трансформации идеологического пространства России. События этого периода, включая конституционную реформу 2020 года¹, эскалацию международной конфронтации,

¹ В основном законе были указаны «предки, передавшие нам идеалы и веру в Бога», утверждалось понятие «традиционных ценностей», а институт брака фиксировался как союз мужчины и женщины.

милитаризацию публичной риторики, активизацию культурно-ценностной политики, создают качественно иной контекст для философского осмысления процессов реидеологизации.

В 2022 г. на фоне радикального изменения международной обстановки идеологическое строительство приобретает черты мобилизационной и во многом милитаристской направленности. На смену прежним эвфемизмам приходят прямые и категоричные формулы: «национальное достоинство», «борьба с однополярным миром», «защита русского мира», «ценностный суверенитет». В публичном дискурсе все чаще звучит тезис о «метафизическом противостоянии» России и Запада. Эти высказывания выводят идеологию за рамки утилитарной рациональности и придают ей эсхатологический смысл – борьба идей оказывается борьбой миров.

Российское государство окончательно отказывается от постсоветской установки на идеологическую нейтральность, сохраняет только внешние признаки конституционного запрета государственной идеологии. На уровне государственной политики оформляются ключевые элементы нового идеологического канона. В 2022 г. утверждают основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей, в которых определяется 17 базовых понятий – от *патриотизма* и *служения Отечеству* до *семьи, достоинства* и *приемлемости социальной справедливости*. Эти понятия подаются как надисторические, универсальные и недискуссионные, то есть не предполагающие философского или культурного спора. Идеология здесь окончательно отказывается от открытого дискурсивного характера и превращается в нормативно фиксированный, символически герметичный каркас.

Философская реакция на происходящую в 2020-е гг. институционализацию идеологии (реидеологизацию) оказывается, с одной стороны, вынуждено сдержанной, с другой – внутренне расщепленной. В публичном пространстве философы все реже выступают как авторитеты интерпретации происходящего, а все чаще – как фигуры либо лояльного сопровождения, либо молчаливого дистанцирования.

Часть философов сегодня признает необходимость взаимодействия с государством в вопросе создания национальной идеологии. Например, при разработке будущего проекта для

России А.Л. Никифоров предлагает отказаться от принципов либерализма и капитализма, ориентированных на прибыль, в пользу новой коллективистской идеологии, предполагающей ограничение частной собственности и рыночных отношений. Главной задачей российской философии в настоящее время исследователь считает создание нового социального проекта, который придаст жизни людей глубокий смысл (Никифоров 2021). Однако Л.Г. Фишман выражает скепсис относительно потенциала идеологической самоидентификации политической элиты, указывая на сочетание в современном российском правящем классе черт бюрократии, буржуазии и советской номенклатуры как на фактор, препятствующий созданию идеологии, принципиально противоположной западному либерально-универсалистскому проекту (Фишман 2023).

На фоне этого возникает эпистемологический вызов, не сводящийся к политической критике: как философия может сохранять свою идентичность в условиях, когда язык, ценности и образы уже определены заранее? Таким образом, 2020-е гг. ставят перед философией России принципиально новый вопрос: возможна ли философия без идеологии – в условиях, когда идеология не просто вернулась, но стала обязательной формой мышления, говорения и действия?

Ю.М. Резник, рассматривая институциональную и содержательную связь философии с государством, выделяет три формы взаимодействия: финансовую, нормативную и содержательную, отмечая важную роль философии в формировании культурных идеалов и цивилизационной миссии России при сохранении критической дистанции и автономии философского мышления (Резник 2022: 30-31). Россия нуждается в ясной государственной идеологии, которая выражает интересы страны и привлекательна для молодежи, добавляет Л.А. Мусаелян. Эти новые ценности и идеалы должны отражаться в образовательной системе (Мусаелян 2023).

А.А. Гусейнов, размышляя о философском наследии изгнанных из СССР в 1922 г. мыслителей, называет их депортацию «экспериментом», доказавшим провал попытки слияния философии и идеологии. По его мнению, превращение философии в инструмент государственной политики приводит не к консолидации, а к катастрофе: философия должна быть простран-

ством автономного духа, а не производной от политического заказа (Гусейнов 2023: 11-12).

А.В. Логинов и Д.В. Руденкин фиксируют разрыв между философским желанием описать идеологию в терминах классических моделей (консерватизм, либерализм, социализм) и отсутствием объекта для такого описания в современной социальной реальности. Исследователи указывают на «кризис идентичности» в самой философии, поставленной перед необходимостью переосмысления собственной роли в постидеологическую эпоху (Логинов, Руденкин 2020).

Таким образом, социально-политическая философия оказывается на перепутье. С одной стороны, существует очевидный общественный запрос на выработку смыслов и ценностей, способных стать основой национального идеологического проекта. С другой – сохраняется опасение перед политическим инструментализмом, превращающим философию в идеологический ресурс государства. Это противоречие и есть точка философской напряженности, превращающая проблему идеологии в вызов, обращенный к самой философии как дисциплине.

Современная философская мысль в России, вступая в поле идеологических дискуссий, демонстрирует растущую рефлексивность и осознание своей ответственности за формирование будущего. Но одновременно – и необходимость предельной осторожности: участие в идеологическом проектировании требует сохранения автономии мышления, способности к критике и отказа от соблазна окончательных ответов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Волков Ю.Г. 2016. Образы идеологии и гуманизма в современной России. Москва : КноРус, 208 с.

Гуревич П.С. 2018. Философская экспертиза идеологии // Философская антропология. Т. 4, № 1. С. 8–26. DOI 10.21146/2414-3715-2018-4-1-8-26

Гусейнов А.А. 2023. Философия и идеология (к столетию «Философского парохода») // Вопросы философии. № 9. С. 5–13. DOI 10.21146/0042-8744-2023-9-5-13

Дугин А.Г. 2004. Проект «Евразия». Москва : Эксмо : Яуза. 512 с.

Ефременко Д.В. 2023. Обретая уверенность в собственном прошлом. российские идентичность и политика памяти на новой исторической развилке // Политическая наука. № 2. С. 15–45. DOI 10.31249/poln/2023.02.01

Кара-Мурза А.А. 2012. Как идеи превращаются в идеологии: российский контекст // Философский журнал. № 2(9). С. 27–44.

Кузнецов В.Н. 2004. Российская идеология 21 : Опыт социол. ис- след. формирования рос. идеологии XXI в. Москва : Кн. и бизнес, 551 с.

Лексин В. 2014. Идейная трансформация советских обще- ствоведов в «перестроечно-постперестроечный» период (о книге С.Г. Кара-Мурзы «Между идеологией и наукой») // Российский эконо- мический журнал. № 2. С. 70–100.

Логинов А.В., Руденкин Д.В. 2020. Ни конфликта, ни согласия: изображая идеологию в современной России // Вестник Санкт- Петербургского университета. Философия и конфликтология. Т. 36, № 2. С. 341–355. DOI 10.21638/spbu17.2020.211

Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. 2010. Россия в поисках утопий. От морального коллапса к моральной революции. Москва : Весь Мир. 253 с.

Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. (ред.) 2016. Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ / под ред. В.С. Мартьянова, Л.Г. Фишмана. Москва : Полит. энцикл. 334 с.

Межуев В.М. 2017. Философия как идеология // Философский журнал. Т. 10, № 4. С. 171–180. DOI 10.21146/2072-0726-2017-10-4-171-180

Мусаелян Л.А. 2023. Тревожные мысли философа по пово- ду особенностей современной общественной жизни и некоторых проблем образования в эпоху тотальной цифровизации // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. № 3. С. 349–364. DOI 10.17072/2078-7898/2023-3-349-364

Никифоров А.Л. 2021. Какое будущее ждет человечество? // Философский журнал. Т. 14, № 3. С. 82–95. DOI 10.21146/2072-0726-2021-14-3-82-95

Резник Ю.М. 2022. Должна ли философия служить государ- ству? // Вестник Российского философского общества. № 3/4. С. 6–42. DOI 10.21146/1606-6251-2022-3/4-6-62

Рубцов А.В. 2018. Иллюзии деидеологизации. Между реа- билитацией идеологического и запретом на огосударствление идеологии // Вопросы философии. № 6. С. 66–75. DOI 10.7868/S0042874418060055

Соловьёв Э.Ю. 2016. Философия как критика идеологий. Часть I // Философский журнал. Т. 9, № 4. С. 5–17. DOI 10.21146/2072-0726-2016-9-4-5-17

Суслов И.В., Тихонова С.В. 2024. Как идеологи определяют идеологию: А.Г. Дугин // Известия Саратовского университета. Но- вая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. Т. 24, № 4. С. 394–399. DOI 10.18500/1819-7671-2024-24-4-394-399

Сырودهева А.А. 2018. Философия и идеология: иллюзия деи- деологизации (обзор «круглого стола») // Вопросы философии. № 7. С. 207–217. DOI 10.31857/S004287440000243-2

Товбин К.М. 2014. Традиционалистская философия: версия Дугина // Аналитика культурологии. № 3(30). С. 46–63.

Фишман Л.Г. 2016. Закат «общества труда»: современная идеологическая констелляция // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). № 3(82). С. 116–129.

Фишман Л.Г. 2023. Обойдемся без миссии. Почему постсоветская номенклатура не может выработать национальную идеологию? // Дискурс-Пи. Т. 20, № 2. С. 52–67. DOI 10.17506/18179568_2023_20_2_52

Шевченко В.Н. 2014. Зачем нужна обществу публичная философия? // Философский журнал. № 1(12). С. 5–18.

Ivan V. Suslov

Saratov State Law Academy, Saratov, Russia. E-mail: suslov85@inbox.ru

Ideological Transformations of Russian Society: Philosophical Reflection

Abstract. Since the beginning of the 21st century, there has been a gradual revival of interest in the re-ideologisation of the political and cultural space of the Russian Federation. The article sets out to systematise and analyse philosophical views on the processes of re-ideologisation that took place in Russia from 2012 to 2023. The conducted theoretical analysis reveals diverse reactions on the part of the philosophical community to the active processes of re-ideologisation in Russia, which has been supported by the state since 2012. While some concerns about the repressive nature of total ideology have been expressed, other philosophers sought forms of participation in discussing national issues and determining the country's future development. Some thinkers, in refusing to discuss ideology, have adopted a position of escapism, striving for freedom in their own existence outside the influence of society or any particular ideology. While transformations in ideas about the role of ideology in the life of society and the state open new perspectives for philosophical self-reflection, discussions about the necessity of “withdrawal” from addressing political problems and ideological confrontation lead to a “crisis of philosophical identity” that represents an important epistemological challenge.

Keywords: ideology; re-ideologisation; philosophy and state; ideological consensus; social consolidation; philosophical community